НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

СЛѢПЦОВЪ.

МОСКВА.

1875.

Николаю Владиміровичу въ знакъ глубочайшаго уваженія отъ Автора

18 24/III 76

Саратов

301 332

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

СЛѢПЦОВЪ.

Не такъ далеко еще время когда Кавказъ, съ его полудикимъ, воинственнымъ населеніемъ, считался твердыней неодолимою. Съ одной стороны слышались вздохи о томъ что Россія напрасно льетъ рѣки крови и тратитъ милліоны, увлекаясь несбыточною задачей его покоренія; съ другой— *враги* наши радовались, высчитывая чего намъ стоитъ эта задача и увѣряя себя что ее хватитъ еще лѣтъ на сто, если до той поры *фонтанель* эта (какъ они называли въ насмѣшку Кавказъ), вмѣстѣ съ другими, подобными ей, ослабляющими причинами, не истощитъ окончательно нашихъ силъ. Въ подтвержденіе этихъ зловѣщихъ предсказаній много было говорено о томъ что будто бы дѣло не двигается впередъ; мало того, что оно идетъ назадъ; что при Ермоловѣ мы были въ гораздо лучшемъ положеніи; что всѣ усилія наши съ тѣхъ поръ вели только къ тому чтобы раздуть пламя войны, давая поводъ и случай фанатикамъ мусульманской вѣры подливать масло въ огонь; указывали, наконецъ, съ насмѣшкой на то что выбравъ пунктомъ атаки, какъ самую слабую и доступную сторону непріятеля, его лѣвый флангъ, мы до сихъ поръ не въ состояніи справиться даже съ этимъ.... Что жъ будетъ когда война охватитъ весь Кавказъ, и храброе населеніе праваго фланга потребуетъ отъ насъ новыхъ, тяжелыхъ жертвъ? И что будетъ если война съ Европой дастъ нашимъ врагамъ давно желанный случай придти на помощь Кавказу съ своимъ европейскимъ искусствомъ и регулярною выправкой?...

Но самая страшная изъ всѣхъ этихъ угрозъ, война съ Европой, въ сосѣдствѣ Кавказа, сбылась, и остальныя, повидимому, были готовы сбыться, какъ вдругъ, къ глубокому удивленію всѣхъ, лѣвый флангъ палъ, а слѣдомъ за нимъ и правый достался намъ въ руки почти безъ боя!... И еслибъ еще такой исходъ былъ результатомъ блестящихъ побѣдъ съ другой стороны, но мы не можемъ похвастать исходомъ Крымской войны. Мы потеряли флотъ, военную гавань и крѣпость, и часть территоріи. Врагамъ нашимъ на востокѣ и на югѣ не съ чего было, повидимому, унадать духомъ. А между тѣмъ рѣшительный оборотъ и конецъ Кавказской войны шелъ такъ-сказать по пятамъ за паденіемъ Севастополя и Парижскимъ миромъ!...

Для тѣхъ кто захотѣлъ бы искать непосредственной связи между событіями этой эпохи, такое странное совпаденіе должно конечно казаться чѣмъ-то неизъяснимымъ.... Но если, оставивъ, за неимѣніемъ основательныхъ данныхъ, попытку отыскать этого рода связь, мы взглянемъ на вещи просто, то исходъ долголѣтней Кавказской войны объяснится намъ самъ собой.

Ждали или не ждали горцы помощи со стороны турецкихъ своихъ единовѣрцевъ и ихъ христіанскихъ союзниковъ, пали они или не пали духомъ, не получивъ ожиданнаго, — это вопросъ второстепенный; а сущность въ томъ что наши дѣла на Кавказѣ къ этому времени были не только не плохи, но въ самомъ блестящемъ видѣ. Врагъ запертъ въ безплодныхъ тѣснинахъ горъ, отрѣзанъ отъ старыхъ источниковъ продовольствія, всѣ предпріятія его и надежды разбиты въ прахъ, всѣ подступы и дороги къ нему въ нашихъ рукахъ, грозныя крѣпости выстроены далеко внутри его нѣкогда неприступной ограды, форпосты наши на пушечный выстрѣлъ отъ главныхъ центровъ его обороны. Мало того, наша Кавказская армія, сильная рядомъ несчетныхъ побѣдъ и лѣтъ десятъ ужъ не знавшая ни одной значительной неудачи, къ этому времени была положительно лучшая часть нашихъ военныхъ силъ: самая бодрая, самая опытная и готовая къ бою,—факты которые она доказала блистательно двумя большими побѣдами на открытомъ полѣ въ борьбѣ съ регулярными арміями... Что это было дѣйствительно такъ, теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія; но въ ту пору никто, повидимому, и не догадывался объ этомъ. Никто не считалъ даже кавказскаго дѣла серіознымъ дѣломъ,... Такъ, молъ, пустыя затѣи честолюбивыхъ головъ и мелкія драки для упражненія.... Въ публикѣ равнодушіе ко всему что дѣлалось на Кавказѣ было безмѣрное и не

имѣло себѣ примѣра въ исторіи. Десятки лѣтъ на одной изъ окраинъ Россіи кипѣла война: одна изъ самыхъ упорныхъ, своеобразныхъ и любопытныхъ, какія когда-либо происходили на свѣтѣ, и геройскіе подвиги достойные эпопеи совершались почти безпрерывно; но въ сердцѣ Россіи никто не слѣдилъ за ними, не обращалъ на нихъ почти никакого вниманія, не имѣлъ о нихъ иныхъ свѣдѣній, кромѣ сухихъ, голыхъ реляцій, да изрѣдка какихъ-нибудь скудныхъ записокъ кавказскаго воина или случайной пѣсни поэта. Газеты не имѣли корреспондентовъ на мѣстѣ. Въ штабахъ занимались только текущими дѣлами, да представленіями къ наградамъ, не безпокоясь нисколько о томъ чтобъ оставить какой-нибудь матеріалъ для будущаго историка Кавказской войны. Слухи носились даже что и реляціи не сообщаемы были публикѣ въ подлинникѣ, а передавались и сокращались для напечатанія гдѣ-то за двѣ съ половиной тысячи верстъ отъ мѣста откуда онѣ приходили. Короче сказать, небрежность и невниманіе со стороны людей не принимавшихъ прямато участія въ ходѣ событій со всѣхъ сторонъ достигали баснословныхъ. и мы позволимъ себѣ прибавить — позорныхъ размѣровъ. Этимъ путемъ только и можно себѣ объяснить какимъ образомъ въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, цѣлый рядъ героевъ, достойныхъ стать на ряду съ Гонзальвами и Готфридами *среднихъ вѣковъ*, *героевъ завоевавшихъ* для насъ одинъ изъ богатѣйшихъ краевъ въ подлунномъ мірѣ, могъ пройти незамѣченнымъ и остаться для огромнаго большинства насъ, Русскихъ, или вполнѣ неизвѣстнымъ, или забытымъ немедленно послѣ смерти и непомянутымъ почти ни одною строкой въ лѣтописяхъ нашей исторіи. Одинъ Ермоловъ, извѣстный народу ранѣе какъ герой Отечественной войны, успѣлъ избѣжать этой участи. А сколько ихъ было!... И куда это все изчезло?.. И гдѣ свидѣтели ихъ геройскихъ подвиговъ?... Гдѣ тѣ которые могли бы почтить ихъ память хотя блѣднымъ очеркомъ?

Кидая въ лицо моимъ соотечественникамъ этотъ упрекъ въ неблагодарности и равнодушіи, я не хочу чтобъ этотъ упрекъ, обратнымъ путемъ упалъ и на меня. А потому, несмотря на печальное убѣжденіе что мой голосъ останется не услышаннымъ, считаю священнымъ долгомъ свидѣтеля сказать нѣсколько словъ объ одномъ человѣкѣ котораго я зналъ коротко, — человѣкѣ соединявшемъ въ себѣ всѣ самыя свѣтлыя и своеобразныя качества героя Кавказской войны. Это былъ командиръ Сунженскаго казачьяго полка и начальникъ Сунженской линіи, покойный Ни-

колай Павловичъ Слѣпцовъ, убитый въ 1851 году, въ дѣлѣ подъ Гехами.

Я не имѣю ни средствъ, ни намѣренія писать его біографію, а потому пропускаю начало его военнаго поприща. Слѣпцовъ былъ сынъ зажиточнаго саратовскаго помѣщика, воспитанъ въ столицѣ и выпущенъ въ 30-хъ годахъ изъ школы подпрапорщиковъ въ гвардейскій Литовскій полкъ. Начало очень обыкновенное; но стоило разъ взглянуть на этого человѣка, чтобы понять, даже не зная его, что онъ не могъ идти избитымъ путемъ. Онъ рано оставилъ столицу, и ея обезсиливающій развратъ не успѣлъ коснуться его здоровой природы. Онъ вынесъ изъ этого перваго испытанія, неомраченную, юношескую свѣжесть души и тѣла и рѣдкую чистоту стремленій. Съ перваго взгляда въ немъ видѣнъ былъ человѣкъ цѣлый, не сломанный, ничѣмъ не закупленный и никогда не входившій въ сдѣлку ни съ какою низостью.

Слѣпцовъ былъ крѣпко сложенный, стройный и сухощавый мущина средняго роста, съ южнымъ, породистымъ типомъ лица. Короткіе и слегка курчавые черные волосы, большіе, черные , огненные глаза и привлекательная улыбка. Весь складъ его имѣлъ въ себѣ что-то воинственное (разумѣя подъ этимъ словомъ отнюдь не *военное* въ его формальномъ, мундирномъ, парадно-учебномъ значеніи); но не это воинственное выдвигало его изъ его *обстановки*, а *нѣчто иное*, высшее, что просвѣчивало изъ него. То былъ огонь горѣвшій въ его душѣ. Что-то напоминало въ немъ рыцаря, смолоду давшаго строгій обѣтъ и посвятившаго всю свою жизнь на его выполненіе. И это было не иллюзія. Онъ былъ тѣмъ чѣмъ казался, и даже гораздо болѣе чѣмъ казался. Онъ былъ настоящій казакъ въ душѣ и рыцарь въ идеальномъ значеніи этого слова; и онъ дѣйствительно далъ обѣтъ.... но объ этомъ послѣ. *Первое*, то-есть казацкая кровь и буйная удаль его темперамента, роднило Слѣпцова съ его обстановкой и дѣлало его не простымъ начальникомъ, а настоящимъ отцомъ, атаманомъ въ кругу населенія ему подчиненнаго; *второе*, было то *нѣчто*, недостижимое и неподражаемое, но понятное одинаково для простыхъ и развитыхъ людей, что отличало этого человѣка отъ всѣхъ и ставило его выше всѣхъ.

Упомянувъ о *казачествѣ*, мы считаемъ не лишнимъ здѣсь объяснить нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей что именно мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ. Казаки не какое-нибудь особое племя или порода людей, ограниченная извѣстнымъ мѣстомъ въ Россіи. Казачество являлось у насъ всегда и

вездѣ, гдѣ не было ясно опредѣленной границы и гдѣ воинственное, полуосѣдлое русское населеніе, въ полуусвоенномъ, получужомъ краю, одно отдѣляло насъ и одно защищало отъ хищныхъ сосѣдей. Казаки завоевали Сибирь и засѣли цѣпью на южныхъ ея окраинахъ, казаки были у насъ и на Днѣпрѣ, и на Уралѣ, и на Дону, и на Азовскомъ, на Черноморскомъ прибрежьѣ, и были вездѣ, въ ихъ истинномъ смыслѣ, только до той поры покуда дѣло ихъ оставалось не кончено, то-есть покуда ясно очерченная граница и прочныя мировыя отношенія не клали конца тому порядку вещей который ихъ породилъ.

Такимъ-то образомъ, съ давнихъ поръ, и именно съ того времени когда русское населеніе, подвигаясь на югъ, и на пути своемъ оттѣсняя кочевниковъ, увидѣло издали снѣжныя вершины Кавказа и мало-по-малу стало входить, въ столкновенія съ племенами заселявшими сѣверную его покатость, у насъ появились казаки и на Кавказѣ. Они пришли туда не казаками; но мѣстная обстановка жизни сдѣлала изъ нихъ казаковъ. Эпоха перваго ихъ появленія тамъ совпала съ гоненіями за вѣру въ центрѣ Россіи и съ быстрою раскассировкой стрѣльцовъ, большая часть которыхъ состояла къ тому же изъ старовѣровъ. Эти-то два элемента, то-есть стрѣлецкій и старовѣрческій, и легли въ основѣ казачества на Кавказѣ. Кавказскій линейный казакъ, то-есть русскій осѣдлый житель и хлѣбопашецъ *Кавказа, ни видомъ, ни языкомъ* не напоминаетъ донскаго или днѣпровскаго уроженца. Это рослый, широколицый, широкогрудый и бѣлокурый типъ, — чистый Великоруссъ, и несмотря на случайную помѣсь съ горцами, на черкесскій костюмъ и оружіе и т. д., сохранившій во всемъ существенномъ характерную физіономію своихъ предковъ. Роль которую играло казачество на Кавказѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, можетъ быть вѣрно оцѣнена только тогда, если мы разъ убѣдимся въ истинѣ, доказанной безчисленными примѣрами, въ той истинѣ что никогда завоеваніе не можетъ-быть прочно, если оно не связано съ колонизаціей; другими словами, что войско, разумѣя подъ этимъ словомъ пришлую, регулярную силу, можетъ только способствовать дѣлу завоеванія, которое въ сущности, всегда и вездѣ совершалъ народъ. Земля принадлежитъ тому кто ее воздѣлываетъ, и если временемъ, иноземецъ, не поселяясь на ней, можетъ стать ея господиномъ, и владѣть ею издали, то онъ долженъ быть твердо увѣренъ что рано или поздно, господствб его будетъ низвергнуто. Русскій народъ, вѣрнымъ инстинктомъ, всегда понималъ эту

истину; а потому вездѣ, гдѣ новая территорія была серіозно ему нужна, онъ шелъ самъ впередъ, становясь твердою ногой на занятой землѣ и заселяя ее. Но заселеніе это не вездѣ могло быть мирное. Рядомъ съ занятіемъ новаго края, и съ мирною обработкой земли, часто нужно было отстаивать пріобрѣтенное и защищаться. И тутъ-то Русскій народъ обнаружилъ блестящимъ образомъ свои воинственныя черты. Рядомъ съ желѣзнымъ упорствомъ и стойкостію, которыхъ никто никогда у него не оспаривалъ, являлась на сцену та личная, героическая отвага и предпріимчивость, которую многіе, худо знавшіе нашъ народъ, почему-то считали чертой другаго славянскаго племени, подъ именемъ казаковъ, всегда дружившаго будто бы и воевавшаго за одно съ Великоруссами и вездѣ служившаго ему авангардомъ. Но кто видалъ казаковъ на Кавказѣ тому должны казаться смѣшны и нелѣпы эти разграниченія, потому что нигдѣ чисто великорусскій типъ породы и чисто великорусская рѣчь не являлась такъ несомнѣнно въ связи съ казачествомъ, и нигдѣ казацкая удаль (разумѣя подъ этимъ словомъ воинственную отвагу народа, безъ всякой форменной выправки), самостоятельно защищая свое завоевательное движеніе впередъ, въ чужіе предѣлы, не заявляла себя такъ ярко. То что въ началѣ давало туземцу и горцу безспорное преимущество надъ пришельцемъ, кореннымъ жителемъ равнинъ: сноровка и навыкъ пользоваться при всякомъ удобномъ случаѣ рѣзкими особенностями той мѣстности среди которой онъ родился и избѣгать неодолимыхъ на первый взглядъ препятствій, которыя она представляла, усвоено было пришельцами съ такою быстротой, и въ такомъ совершенствѣ, которыя скоро дали возможность ученикамъ во многомъ перещеголять учителей. Набѣги первыхъ давно уже производились быстрѣе, удары были рѣшительнѣе и неожиданнѣе, находчивость, ловкость, самостоятельность въ мелкихъ схваткахъ, гдѣ каждому можетъ ежеминутно придется и думать и дѣйствовать самому за себя, стали неподражаемы. Къ сожалѣнію, эти черты оставались иногда мало оцѣнены. Не только главные командиры кавказскихъ военныхъ силъ, но и всѣ сколько-нибудь значительные распорядители отдѣльныхъ частей, начальники линій, отрядовъ и командиры казачьихъ полковъ, съ рѣдкими исключеніями, были люди пріѣзжіе вновь, на короткій срокъ, люди мало знакомые съ родомъ войны и еще меньше съ кавказскимъ казачествомъ, наконецъ, люди вовсе не подозрѣвавшіе силы которая была въ ихъ рукахъ, а вслѣдствіе

этого, разумѣется, не умѣвшіе ею пользоваться. Мало того, и самая сила эта должна была оказаться весьма недостаточною, съ тѣхъ поръ какъ борьба на Кавказѣ, вслѣдствіе разнаго рода причинъ, начала принимать характеръ съ одной стороны религіозный, съ другой — наступательный. Противъ племенъ соединенныхъ властію имамовъ въ одинъ могучій узелъ потребовалось значительное увеличеніе регулярныхъ войскъ, на которое и было обращено исключительное вниманіе; станицы же съ ихъ удалымъ населеніемъ почти перестали входить въ расчетъ. Начались форменные, правильные походы въ горы, связанные съ напрасною тратой силъ и съ жертвами далеко не соотвѣтствующими достигнутымъ результатамъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ 1845 году, Слѣпцовъ назначенъ былъ командиромъ Сунженскаго полка. Слѣпцовъ понялъ что можно сдѣлать съ казакомъ, если поднять его духъ и поставить его, какъ дѣятеля осмысленнаго, въ уровень съ его коренной, исконной задачей завоевателя-поселенца.

Дѣло ему предстоявшее въ самомъ началѣ было полно затрудненій и обставлено многочисленными, неминуемыми опасностями. Мѣстность которую занялъ Сунженскій полкъ видала Русскихъ уже не разъ и была щедро орошена ихъ кровью. Могущественные отряды, съ грозною артиллеріей и съ храбрыми предводителями, проходили ее не разъ, *какъ тучи, изъ края въ край*, и возвращались обратно съ жестокою потерей, не совершивъ почти ничего, кромѣ подвиговъ безполезной отваги, надъ которыми горцы между собою посмѣивались. Это была знаменитая на Кавказѣ равнина Малой Чечни, одна изъ плодоноснѣйшихъ въ цѣломъ краѣ, — равнина мѣстами пересѣченная балками (оврагами) и орошенная быстрыми горными рѣчками: Сунжей, Асой, Фортангой, Надхоемъ, Валерикомъ, Гехи и проч.; равнина, съ сѣверной стороны открытая, но къ югу, по склону горъ, и на три четверти своего протяженія, густозаросшая вѣковымъ, дремучимъ лѣсомъ и усѣянная непріятельскими аулами, весьма небольшая часть которыхъ, расположенная подъ выстрѣлами передовыхъ укрѣпленій, считалась въ числѣ мирныхъ. Казаки заняли, разумѣется, открытую, плодородную сторону и такимъ образомъ наступили на горло всему окружному населенію непріятеля, который не могъ смотрѣть равнодушно на этотъ захватъ. Горсть пришлыхъ людей засѣла среди его и овладѣла его исконнымъ наслѣдствомъ, его источникомъ пропитанія. У него отнимали лучшую полосу, издавна служившую

житницей не только для всей Чечни, но и прилегающихъ къ ней нагорныхъ обществъ. Ярость его была понятна и такъ велика что каждый часъ можно было опасаться за существованіе всего поселенія, разъединеннаго кучками, по станицамъ, и связаннаго только однимъ могучимъ духомъ, одною недремлющею заботой своего предводителя: въ первое время поселенія полка тревоги были безпрерывныя, — иногда въ одинъ день было по нѣскольку; не успѣютъ отбиться отъ одной партіи, какъ вѣстовая пушка призываетъ въ другое мѣсто. А между тѣмъ, подъ громомъ этихъ тревогъ, нужно было дѣлать другое дѣло, не менѣе важное. Нужно было селиться и строиться, обрабатывать землю, пасти стада, косить сѣно. Но Слѣпцовъ былъ вездѣ, заботился обо всемъ и подъ его недремлющимъ попеченіемъ все шло успѣшно. Всѣ распоряженія его, всѣ инструкціи были глубоко осмыслены: онѣ были кратки, ясны и указывали всегда на цѣль, но въ достиженіи ея оставляли широкое поле соображенію исполнителей, чѣмъ и давали возможность развитію способностей каждаго. Печатныхъ инструкцій какъ справляться съ непріятелемъ онъ не издавалъ; отъ него не исходило предписаній въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго извѣстнаго приказа, сочиненнаго на одномъ изъ нашихъ прибрежій, который для образчика, выписываю слово въ слово. „Въ случаѣ гдѣ содѣлано будетъ непріятелемъ злодѣяніе, то въ преслѣдованіе за нимъ идетъ съ поста одна часть, а другая везетъ за ней провіантъ, и когда опредѣлится направленіе хищниковъ, тогда отъ части часть даетъ знать о томъ другимъ, сосѣднимъ частямъ, куда пошелъ непріятель, а когда наступитъ ночь, то слѣдуетъ ночевать, и непріятель долженъ ночевать.“ — Приказъ этотъ я привелъ только въ подтвержденіе вышесказаннаго, — въ какія иногда ненадежныя руки попадались казаки.

Слѣпцовъ глубоко понималъ казака и зналъ въ чемъ сила его, а потому желалъ прежде всего найти въ немъ не механику, способную съ точностію повиноваться толчку, а живаго, разумнаго дѣятеля. Мало того, ему нужны были люди облагороженные и связанные другъ съ другомъ чѣмъ-нибудь выше простаго личнаго интереса. Ему нужны были въ казакѣ чувства чести и славы и беззавѣтная вѣра въ своего предводителя. Все это шло одно къ одному и было связано самымъ естественнымъ образомъ въ широкомъ взглядѣ Слѣпцова на дѣло ему предстоявшее и на ту роль которую его полкъ былъ призванъ играть въ Кавказской войнѣ. Пылкое сердце его и смѣлые замыслы не могли

удовольствоваться одною обороной. Онъ зналъ что война на Кавказѣ есть прежде всего война наступательная, должна быть такою, чтобы не остаться напрасною, и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ показать другу и недругу къ чему способенъ казакъ, такъ какъ онъ его понималъ, казакъ воспитанный въ школѣ Слѣпцова.

Слѣпцовъ не любилъ терять времени. Въ четыре года (со времени основанія Сунженскаго полка, въ 1845 году) онъ очистилъ отъ непріятеля всю плоскость Малой Чечни и покорилъ нагорныя общества: Галашковское, Карабулакское и Армтинское, отнявъ такимъ образомъ у врага не только самыя плодоносныя земли, но и лучшій его боевой элементъ. Такой успѣхъ выходилъ далеко изъ предѣловъ всего что, въ обычномъ порядкѣ вещей, можно было когда-нибудь ожидать, и привелъ въ изумленіе весь Кавказъ, тѣмъ болѣе что не былъ онъ дѣломъ случайной удачи. Въ короткій срокъ, упомянутый нами выше, совершены были подвиги зрѣло обдуманнаго расчета и баснословной отваги.... Каждый ударъ Слѣпцова попадалъ въ цѣль и колебалъ власть Шамиля, колебалъ вѣру въ его могущество. Озлобленный и встревоженный, имамъ, въ 1848 году, рѣшился во что бы ни стало вернуть утраченное и отомстить за свой стыдъ, уничтоживъ однимъ ударомъ новую линію. Собравъ до 10.000 своего лучшаго войска, онъ двинулся съ ними на Сунжу. Нашествіе это имѣло такой неожиданно грозный размѣръ, что по первому слуху о немъ, главнокомандующій князь Воронцовъ счелъ нужнымъ лично прибыть на Сунжу и притянуть къ ней поспѣшно войска изъ сосѣднихъ районовъ. Но Слѣпцовъ вырвалъ побѣду изъ рукъ у друзей, стремившихся раздѣлить ее съ нимъ, и обошелся безъ помощи ихъ. Случилось это до крайности просто.... Сильный отрядъ былъ въ сборѣ: нѣсколько баталіоновъ и батарей и цѣлый штабъ и начальники разныхъ сосѣднихъ частей.... Шли толки и совѣщанія; въ главной квартирѣ ждали извѣстій о непріятелѣ, но никакихъ извѣстій не было уже нѣсколько дней, и никто не зналъ гдѣ Шамиль.

Въ одно туманное утро, Слѣпцовъ съ своимъ казачьимъ полкомъ выѣхалъ на развѣдку, какъ вдругъ, въ сѣромъ туманѣ, мелькнули значки, пахнулъ вѣтерокъ и, приподнявъ густую завѣсу, открылъ предъ казаками на ружейный выстрѣлъ всю грозную силу Шамиля. Слѣпцовъ не далъ ему опомниться. Не задумываясь ни на минуту, онъ скомандовалъ своимъ сотнямъ — впередъ! Пукъ ракетъ въ густыя массы врага, стремительная атака, и непріятель

разсѣянъ, какъ тотъ туманъ который скрывалъ его за пять минутъ....

Зналъ ли Слѣпцовъ гдѣ найти врага и выѣхалъ съ этою цѣлью ему на встрѣчу, или одно геройское вдохновеніе руководило его къ побѣдѣ, — этого мы не беремся рѣшить, а скажемъ только что благодѣтели собравшіеся его выручать были весьма недовольны такою поспѣшностью и тою безцеремѣнностью съ которою онъ обошелся безъ нихъ.

Другой не менѣе тяжкій ударъ нанесенъ былъ Шамилю въ Галашкахъ. Имамъ съ сильнымъ отрядомъ явился чтобы вырвать изъ рукъ у Слѣпцова это нагорное общество, которое уже было имъ покорено; но въ виду неожиданной помощи или, вѣрнѣе сказать, острастки со стороны Шамиля, не знало на что рѣшиться и ждало, какъ говорится, *чья возьметъ*. Слѣпцовъ съ казаками попалъ между двухъ огней. Малѣйшая неудача, малѣйшее колебаніе съ его стороны, и тѣ же Галашковцы готовы были загородить ему дорогу; а въ рукахъ у него было всего 6 сотенъ, и впереди, надъ головами, на высотѣ мелькали значки въ три раза болѣе сильнаго непріятеля, стоялъ самъ Шамиль и виднѣлись чалмы его мюридовъ,... Но не имамъ, ни мирюды его, ни слѣдившіе издали за исходомъ дѣла Галашковцы не ожидали того что случилось. 600 казаковъ со Слѣпцовымъ, какъ и всегда впереди, не спѣшиваясь, вскарабкались по крутому подъему въ обходъ, и прежде чѣмъ непріятель успѣлъ придти въ себя отъ изумленія при видѣ такой отчаянной дерзости, ударили на него съ фланга. Онъ не выдержалъ и минуты. Разбитый на голову, Шамиль едва ушелъ; но мѣстность, неблагопріятная для атаки, была еще того менѣе благопріятна для бѣгства. На тѣсной площадкѣ отвѣсной скалы, густая толпа непріятеля, сдавленная и обезумѣвшая отъ ужаса, не знала куда уйти. Кровь полилась. Мюриды въ ужасѣ бросали оружіе и кидались съ крутизны.... Въ результатѣ Галашки остались за нами.

Но мы не имѣемъ возможности даже и перечислить здѣсь длиннаго ряда тѣхъ подвиговъ которые прославили имя Слѣпцова на всемъ Кавказѣ, а потому упомянемъ только еще объ одномъ.

Грозный оконъ возведенъ былъ Шамилемъ въ Большой Чечнѣ. На устройство его Шамиль потратилъ много времени и трудовъ, а когда кончилъ, то похвалялся что позволитъ обрить себѣ бороду, если когда-нибудь русская нога перешагнетъ за черту его укрѣпленія. И дѣйствительно рядъ неудачныхъ попытокъ грозилъ оправдать его похваль-

бу. Отряды въ полномъ составѣ, съ приличнымъ числомъ баталіоновъ и съ сильною артиллеріей, пытались его взять, но возвращались назадъ съ урономъ; а Шалинскій окопъ продолжалъ стоять бѣльмомъ на глазу у Русскихъ и нѣсколько времени слылъ неприступнымъ. Онъ былъ внѣ круга Сунженской линіи; но тѣмъ не менѣе онъ не давалъ спокойно уснуть Слѣпцову, и вотъ, — улучивъ минуту при свиданіи съ главнокомандующимъ глазъ на глазъ, Слѣпцовъ чуть не насильно выпросилъ себѣ позволеніе попытать счастія въ чужомъ районѣ.... „Даю вашему сіятельству слово“, говорилъ онъ, „что я возьму Шалинскій окопъ одинъ, съ моимъ казачьимъ полкомъ и безъ всякой поддержки“. Воронцовъ долго отнѣкивался, считая, какъ и всякій, на его мѣстѣ, конечно считалъ бы, затѣю этого рода чѣмъ-то близкимъ къ безумству; но наконецъ, побѣжденный увѣренностью и неотступными просьбами, далъ позволеніе. А Слѣпцову только того и нужно было. Онъ взялъ Шалинскій окопъ, съ потерей всего трехъ казаковъ. Главная трудность дѣла и тутъ какъ вездѣ состояла въ подступѣ. Трудно было скрыть замыселъ такъ чтобы ни друзья, ни враги - не провѣдали о немъ ничего до самой минуты его выполненія. Еще труднѣе было подкрасться съ конным полкомъ, мимо постовъ и лазутчиковъ непріятеля, къ самому мѣсту дѣйствія и просидѣть незамѣченнымъ день въ оврагѣ. На разсвѣтѣ Слѣпцовъ съ казаками ударилъ въ расплохъ на Шалинскій окопъ, съ такою стремительностію что небольшой резервъ егерей, взятый на пути на всякій случай, пришелъ, когда дѣло было уже кончено.

Съ другой стороны, впечатлѣніе подобнаго рода ударовъ на непріятеля было магическое. Въ аулахъ матери стали пугать блажныхъ дѣтей словами: „Слѣпцовъ идетъ! И, дѣйствительно, страхъ внушенный имъ непріятелю доходилъ до размѣровъ глубокаго суевѣрнаго ужаса. Одно имя его стоило иногда нѣсколько сотъ штыковъ, и вотъ примѣръ.

Случилось какъ-то разъ, на обратномъ пути изъ набѣга въ дальные горные аулы, зимой, народъ продрогъ и усталъ, и Слѣпцовъ съ своею обычною, доходившею часто до мелочности, заботливостію о подчиненныхъ, послалъ урядника съ 6 казаками въ ближайшую станицу за водкой, которую имъ приказано было привезти для отряда, на мѣсто его предполагаемаго ночлега. Казаки неслись въ карьеръ, какъ вдругъ наткнулись на партію горцевъ: но урядникъ молодецъ нашелся. — „Прочь!“ крик-

нулъ онъ по-чеченски на всемъ скаку, не останавливаясь и не колеблясь ни на мгновеніе,—„прочь съ дороги! Слѣпцовъ идетъ!“... Партія разступилась, казаки промчались, и когда непріятель опомнился, были уже далеко. И водка была доставлена во-время къ мѣсту ночлега и удальцы за эту штуку получили 10 полуимперіаловъ.

Но не одинъ только ужасъ внушалъ Слѣпцовъ непріятелю. Наравнѣ съ басновловною отвагой, слава о его мудрости, о неподкупной его справедливости, о его беззавѣтной щедрости и рыцарскомъ великодушіи разносилась до самыхъ далекихъ краевъ Кавказа. Изъ непокорныхъ ауловъ къ нему приходили судиться въ тяжбахъ его же враги, и приговоръ его уважался свято.... Случалось, во время набѣговъ, захватятъ кого-нибудь изъ горцевъ на полевыхъ работахъ, или въ лѣсу, за какимъ-нибудь мирнымъ дѣломъ. Слѣпцовъ всегда отпускалъ такого; да еще наградитъ рублемъ. Бѣдняга такъ и прыгаетъ бывало отъ радости, цѣлуетъ полы его черкески и клянется Кораномъ что другаго такого, какъ онъ Слѣпцовъ — нѣтъ на свѣтѣ.... Въ дѣлѣ 15-го іюля 1851 года, близъ рѣчки Валерика, убитъ былъ храбрый наибъ Малой Чечни Магометъ Мирза Анзоровъ. Узнавъ объ этомъ. Слѣпцовъ, самъ раненый, немедленно поручилъ передать женѣ убитаго свое искреннее сожалѣніе о ея горѣ, да при этомъ послалъ ей еще разныхъ подарковъ: бархату, шелку и проч.... Такія-то качества возбуждали къ нему невольно любовь и удивленіе даже въ сердцахъ враговъ. Слѣпцовъ сталъ заживо какимъ-то сказочнымъ богатыремъ въ воображеніи этихъ простыхъ людей. На Востокѣ существуетъ легенда что когда-то жилъ герой, сотворившій великіе подвиги, идеалъ честности, великодушія, самоотверженія, защитникъ слабыхъ и бичъ для злыхъ. Имя его Керъ-Оглы, въ переводѣ на нашъ языкъ, значитъ: „Сынъ слѣпаго“. Многіе горцы были убѣждены что Слѣпцовъ именно самъ и есть этотъ Керъ-Оглы, что Керъ-Оглы воскресъ въ его образѣ. О немъ сложены были пѣсни въ горахъ. „Знали всѣ горы“, гласитъ одна изъ нихъ, — „сильный и слабый, богатый и бѣдный, зна„ли безстрашную удаль Слѣпцова и гостепріимную сѣнь его крова“.... „Знали его почтенный народъ — Кабардин„цы и дальніе жители горъ — Тавлинцы: знали и мы Че„ченцы, сосѣди его, — и любили врага своего“.... „Слава „его высока и свѣтла, какъ вершина Казбека, и грудь „боевой отваги полна, полна какъ грудь могучаго льва.“

Любовь враговъ къ Слѣпцову не выдумка. Она была такъ неподдѣльна и такъ тепла что эти суровые, гордые

люди, у которыхъ всякое выраженіе скорби считается слабостію, плакали надъ его тѣломъ.

А между тѣмъ Слѣпцовъ не баловалъ непріятеля и не подлаживался къ нему. Его отношенія къ горцамъ были чужды той жидкой чувствительности и мнимо-гуманной мягкости, надъ которыми эти люди смѣются, считая ихъ ве больше какъ признакомъ слабости. Расправа его, гдѣ можно, была всегда коротка и практична. За всякое воровство, грабежъ или убійство на линіи, наравнѣ съ непокорными, отвѣчали и всѣ мирные, ибо безъ ихъ участія или потворства, на одно подобное злодѣйство не могло случиться. За всякую небритую русскую голову летѣло долой двѣ бритыхъ, татарскихъ; откуда ихъ брали казаки, — это другой вопросъ, но въ томъ положеніи въ какомъ находился Слѣпцовъ, утонченная юридическая разборчивость въ выборѣ средствъ для обороны себя была неумѣстна: и результатъ оправдывалъ дѣло, результатъ былъ самый блестящій.... Мирные окружные жители близкихъ татарскихъ ауловъ страшились всякаго несчастнаго происшестія съ Русскими, гораздо болѣе самихъ Русскихъ, и чувство самосохраненія заставляло ихъ во время предупреждать своихъ сосѣдей о всякомъ замыслѣ противъ нихъ: мало того, ловить и выдавать виноватыхъ, чтобы самимъ за нихъ не попасть въ бѣду. Система задабриванія и нѣжной внимательности къ врагу, при полномъ отсутствіи попеченія о безопасности тѣхъ на чей счетъ мы смѣшили Татаръ своею непонятною для нихъ и плохо понятою нами самими гуманностію, испробована была въ послѣдствіи и доказала самымъ плачевнымъ образомъ свои неудобства. Она основана была на полномъ непониманіи того народа съ которымъ мы на Кавказѣ имѣемъ дѣло, народа, не имѣющаго никакихъ понятій о просвѣщенномъ значеніи юридической формы, мало того, считающаго эту форму презрѣнною, шиканною, равно недостойною какъ судьи такъ и его подсудимаго....

„Нейманъ“, говорилъ мнѣ одинъ Чеченецъ, пойманный и судимый за какой-то кровавый разбой.... „Твоя будетъ писать обо мнѣ бумагъ?“ — „Да“. — Пожалуста, Нейманъ, пиши бумагъ такъ, чтобы моя не судилъ и моя не сидѣлъ въ тюрьма.... пиши просто: — башка долой“.... Очевидно, судебная процедура и заточеніе для этого дикаря были противнѣе смерти и казались обидною несправедливостію, карой далеко превышающею мѣру его вины, если онъ только чувствовалъ за собой какую-нибудь вину, — что очень сомнительно.

Слѣпцовъ зналъ Чеченца со всею его подноготною, со всѣми понятіями, пристрастіями и слабостями, и это знаніе было ему безконечно полезно во всѣхъ его цѣляхъ. Несмотря на его непреклонную строгость, вездѣ гдѣ дѣло шло о защитѣ своихъ, враги любили его, какъ это ужъ было объяснено. Онъ зналъ жадность Татарина и сыпалъ деньгами не жалѣя за всякую, хоть маленькую, сдѣланную ему услугу. Благодаря этому, у него были вѣрные слуги въ горахъ, между мирными и непокорными, и чрезъ нихъ-то онъ зналъ прежде всѣхъ обо всемъ что затѣвалось въ горахъ, до малѣйшей подробности....

Однажды къ нему явились на службу два молодые рослые красавца: это были князья изъ Кабарды, служившіе въ столицѣ и ожидавшіе, безъ сомнѣнія, лѣстнаго пріема. Но къ великому удивленію ихъ, они встрѣчены были совершенно иначе. Слѣпцовъ вспыхнулъ какъ порохъ, услышавъ ихъ имена.... „Какъ? Вы? Сюда? На службу ко мнѣ?.. Вонъ! Чтобы духу вашего не было тутъ! Мерзавцы? Измѣнники! Въ кандалы закую! Въ Сибирь! Въ каторжную работу!...“ Я, ничего не знавшій, былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого и признаюсь боялся чтобъ одинъ изъ этихъ двухъ геркулесовъ не всадилъ Слѣпцову кинжала въ бокъ. Но должно-быть послѣдніе знали съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, да и онъ тоже зналъ. Глубоко сконфуженные князья переглянулись и вышли не отвѣчая ни слова. Оба они, какъ я послѣ узналъ, были въ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Слѣпцовъ ошибался рѣдко въ подобныхъ случаяхъ; но онъ былъ вспылчивъ безмѣрно, и эта черта ставила его иногда на волосокъ отъ гибели. Какъ теперь вижу его одного и безоружнаго въ кругу недавно покоренныхъ, вооруженныхъ какъ водится съ головы до ногъ Татаръ, съ которыми онъ былъ занятъ какими-то объясненіями. Короткій споръ, нѣсколько рѣзкихъ словъ, и вдругъ Слѣпцовъ ударилъ одного изъ стоявшихъ лицомъ къ лицу Чеченца, съ окладистою бородой и съ грозно-нахмуренными бровями.... Ударъ хлыстомъ по мордѣ тигра, не отдѣленнаго отъ обидчика никакою рѣшеткой, былъ бы конечно не больше опасенъ. Но случай этотъ, какъ и другіе, которыхъ я помню не мало, сошелъ съ рукъ счастливо.... Предатели, плуты и воры, между своими, Русскими, не находили пощады въ его глазахъ, и онъ съ ними не церемонился, не разбирая ни чина, ни степени подчиненности. Потребуетъ бывало къ себѣ въ палатку и объяснится съ глазу на глазъ; послѣ подобныхъ свиданій, я видалъ изумленныя лица людей

выбѣгавшихъ оттуда со всѣми признаками только-что полученнаго ими знака вниманія.

Но были другіе случаи, которые я не имѣю возможности передать, случаи жаркаго столкновенія съ равными и даже съ начальниками, въ которыхъ Слѣпцовъ доказалъ на собственный счетъ что для него не существуетъ другаго различія между людьми, кромѣ того которое дѣлитъ ихъ по внутреннему достоинству. Порывистая, бѣшеная его натура, въ минуты гнѣва, не знала удержа.

Но пылкій нравъ Слѣпцова, въ связи съ его великодушнымъ сердцемъ и высокою справедливостью, дѣлалъ этого человѣка мученикомъ. Обидѣвъ кого-нибудь сгоряча и чувствуя что онъ перешелъ границу, онъ становился, нерѣдко на нѣсколько дней, несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, не спалъ ночей, и думалъ только о томъ какъ бы поправить дѣло. Съ простыми людьми это оканчивалось обыкновенно щедрою денежною наградой, выданною тихонько изъ-подъ руки, изъ собственнаго кармана Слѣпцова.

Слѣпцовъ прожилъ на службѣ большую часть своего состоянія. Во всемъ поселеніи не было нуждающагося о которомъ онъ бы не зналъ и которому бы онъ не помогъ... Награды храбрымъ, подарки лазутчикамъ, помощь больнымъ, сиротамъ и вдовамъ шли большею частію цѣликомъ и сплошь изъ собственнаго его кошелька. Но съ рѣдкою нѣжностью сердца, въ природѣ этого человѣка соединены были стойкость желѣзная и воля непобѣдимая. Раненый въ дѣлѣ 15-го іюля, Слѣпцовъ удивилъ всѣхъ окружающихъ. Пуля попала ему въ правую ногу выше колѣна остановилась подъ кожей, съ другой стороны. Слѣпцовъ виду не подалъ что съ нимъ что-нибудь случилось, толь попросилъ воды и все время, до окончанія боя, оставал на конѣ, въ самомъ центрѣ схватки, и только когда в кончилось, потребовалъ къ себѣ лѣкаря. Черта этого род напоминаетъ скорѣй дикаря, съ желѣзными нервами, чѣмъ человѣка съ тонкою и нѣжною организаціей. А между тѣмъ нервы у этого человѣка были чувствительны какъ у женщины и отзывались на такія вліянія, которыя для большой части изъ насъ, столько же незнакомы сколько и непонятны. Слѣпцовъ часто имѣлъ предчувствія, и случай или игра безотчетной догадки съ неуловимыми для другихъ людей намеками, — предчувствія эти почти всегда сбывались... Я приведу два примѣра.

Въ 1851 году, оправясь отъ раны, Слѣпцовъ ѣздилъ на могилу своего племянника, убитаго въ дѣлѣ съ горцами. Когда онъ возвращался, солнце уже садилось, и полный мѣсяцъ выходилъ изъ-за снѣговаго хребта. Слѣпцовъ остановился въ пяти шагахъ отъ дверей своего дома и съ минуту стоялъ не шевелясь, съ озабоченнымъ, углубленнымъ въ себя, тоскливымъ видомъ.... „Чувствую что сейчасъ будетъ происшествіе“, шепнулъ онъ чуть слышно, самъ про себя, и за тѣмъ повторилъ то же самое вслухъ.

Я думалъ что это такъ„ фантазія; но онъ не велѣлъ конвою слѣзать съ коней и вслѣдъ затѣмъ отправилъ урядника съ приказаніемъ чтобы сотня немедленно выѣзжала. Пока собирались казаки, Слѣпцовъ стоялъ неподвижно у своей квартиры, со взоромъ вперениымъ куда-то вдаль.... Прошла минута, другая, третья, всѣ окружающіе смотрѣли въ недоумѣніи на него, какъ вдругъ, среди глухой тишины, донесся издали гулъ вѣстоваго сигнала. Сотня была готова.... Слѣпцовъ только махнулъ рукой, по направленію выстрѣла.... „Скачите!“ произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ.... Къ утру, въ станицу привезли изрубленнаго горцами офицера Карамышева, котораго конвоировали донскіе казаки.

Предъ самымъ выступленіемъ въ походъ, въ концѣ ноября 1851 года, Слѣпцовъ оставилъ письмо на родину, къ своимъ родственникамъ съ надписью: *послѣднее*, вручилъ его своему вѣрному слугѣ, старику Якову, и приказалъ отправить по первой почтѣ.... 10-го декабря, въ дѣлѣ на Гехинской полянѣ, онъ былъ убитъ.... Казаки въ этомъ дѣлѣ исполнили свою роль, какъ и всегда, блистательно. Колонна охотниковъ, состоявшая почти вся цѣликомъ изъ нихъ, послана была на разсвѣтѣ, въ обходъ непріятелю, противъ его засады, и по первому выстрѣлу изъ непріятельскаго орудія бросилась на засаду, положивъ болѣе ста непріятельскихъ труповъ на мѣстѣ. Самое дѣло, благодаря ихъ отвагѣ, было рѣшительно выиграно. Аулъ былъ взятъ, непріятельскому орудію отрѣзанъ путь къ отступленію по дорогѣ, и оно бросилось въ ущелье.... Подоспѣй во-время одинъ баталіонъ (Навагинскаго полка, подъ начальствомъ Лукомскаго, котораго ожидалъ Слѣпцовъ и котораго требовалъ стоя верхомъ предъ заваломъ, посылая одно приказаніе за другимъ, чтобы пѣхота спѣшила), орудіе было бы взято, и Слѣпцовъ по всей вѣроятности былъ бы живъ. Пуля попала ему какъ разъ подъ сердце, и онъ жилъ все-

го полчаса послѣ этого; но сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія о передачѣ начальства старшему по себѣ и приказалъ благодарить охотниковъ.... Послѣднія слова его были: „*даромъ умираю.*“

Какіе планы не выполненные умерли вмѣстѣ съ нимъ, объ этомъ мы можемъ только догадываться, но мы говоримъ съ твердою увѣренностію: онъ *жилъ не даромъ*.... „Казаки!“ сказалъ онъ между прочимъ при водвореніи своего полка на новой линіи: „вамъ придется имѣть дѣло съ врагомъ который силенъ только тогда когда онъ нападаетъ на слабаго; но вы сильны именемъ Русскаго, доблестію казачьею, славною съ давнихъ временъ. Положитесь во всемъ на меня, и я васъ прославлю. Мы водрузимъ знамя нашего Спасителя тамъ гдѣ укажетъ намъ Богъ перстомъ Царя. Я же считаю долгомъ пожертвовать для васъ моимъ достояніемъ, здоровьемъ и жизнію, что и докажу вамъ“.... И онъ доказалъ. Обѣтъ былъ исполненъ отъ слова до слова, въ полномъ его объемѣ.

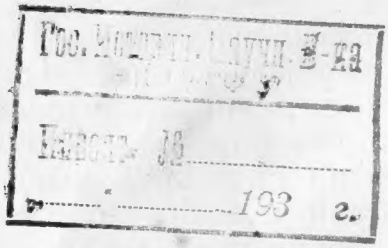
Въ теченіе шести лѣтъ, линія ему ввѣренная покрылась цвѣтущими станицами и обработанными полями. Казаки разбогатѣли. Внутри ихъ обширнаго поселенія, на пространствѣ многихъ и многихъ верстъ, стало тихо какъ въ самомъ мирномъ углу въ центрѣ Россіи. Изъ станицы въ станицу можно было идти пѣшкомъ, одному, безъ оружія *и безъ всякаго риска*. Геройскій духъ населенія, вдохнутый Слѣпцовымъ во всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, стоялъ незримымъ стражемъ надъ открытою, почти степною равниной.

Факты подобнаго рода такъ ясны сами собой что не нуждаются ни въ какомъ толкованіи, и они-то, краснорѣчивѣе всякаго панегирика, говорятъ за Слѣпцова противъ тѣхъ изъ его товарищей которые, не осмѣливаясь коснуться его военныхъ подвиговъ, выставляли его плохимъ администраторомъ. Дѣло стоитъ само за себя, и подъ него не подкопаешься ни съ какими высшими взглядами. Безпредѣльное уваженіе и любовь администрируемыхъ всегда были и будутъ лучшею порукой способности и заслугъ администратора. И такимъ уваженіемъ, такою любовью Слѣпцовъ пользовался со стороны всего населенія имъ управляемаго, между которымъ не было ни единаго казака не готоваго, въ любую минуту, пожертвовать жизнію за одно простое спасибо своего обожаемаго отца-атамана. Чтобы понять какъ любили его на Сунжѣ, достаточно было видѣть, какъ видѣли мы, что тамъ происходило, когда везли его тѣло. Все населеніе вышло на встрѣчу, и всѣ,

отъ мала до велика, рыдали. Матери клали на его гробъ дѣтей. Старики, закаленные въ бояхъ, съ укоромъ смотрѣли на угрюмыя лица казаковъ, окружавшихъ траурную процессію, какъ бы винили ихъ въ случившемся. Но мы сказали уже что казаки были въ этомъ не виноваты.

Правительство, во вниманіи къ заслугамъ Слѣпцова, воздвигло памятникъ надъ его могилой; но лучшій памятникъ для него это тотъ который онъ самъ себѣ соорудилъ въ сердцахъ своихъ сподвижниковъ.... Всѣ они вспоминаютъ имя его съ благоговѣніемъ, и всѣхъ ихъ я призываю во свидѣтели того что я здѣсь сказалъ.

МИХАИЛЪ НЕЙМАНЪ.



(Изъ Русскаго Вѣстника Т. XCVIII).

Дозволено цензурою. Москва, 1 Марта 1875 г.

ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.